

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'23

Ильина В.А.*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова*

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ*

Аннотация. Анализ методик выделения семантических полей с использованием изобразительных приёмов психолингвистического анализа семантики позволил нам выделить четыре вида ассоциативного эксперимента (свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, исследование ассоциативных норм, ассоциативные исследования прецедентных феноменов). С целью описания компонентов семантического поля номинанта *одиночество* в русском языке и *loneliness* в английском языке применяется направленный ассоциативный эксперимент как метод исследования определённого набора языковых средств. В соответствии с поставленной целью в качестве основного метода исследования языковых средств был выбран направленный ассоциативный эксперимент.

Ключевые слова: семантическое поле, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, исследование ассоциативных норм, ассоциативные исследования прецедентных феноменов.

V. Ilyina

Moscow State Humanitarian University named after M.A. Scholokhov

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A WAY OF SEMANTIC FIELD FORMATION

Abstract. Analysis of methods of defining semantic fields with the help of pictorial means of psycholinguistic research of semantics allowed us to single out four types of associative experiment (free associative experiment, directed associative experiment, associative standard investigation, and precedential phenomenon associative investigation). Directed associative experiment as a method of re-

search of a definite set of linguistic means was used for the describing components of the semantic field *odinotchestvo* in Russian and *loneliness* in English. According to this aim, directed associative experiment is chosen as the main research method of the language means.

Key words: semantic field, free associative experiment, directed associative experiment, associative standard investigation, and precedential phenomenon associative investigation.

Языковая картина мира формируется при помощи лексических средств, парадигматических группировок слов, недифференцированно определяемых «семантическими полями», которые интерпретируются как совокупность языковых единиц, объединённых на основании общности содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Однако одной из самых актуальных на сегодняшний день остаётся проблема разработки надёжных способов определения состава семантического поля. Критерии расчленения лексического состава языка на семантические поля до сих пор остаются недостаточно разработанными, так как определение состава поля по наличию/отсутствию в значении слов «интегрального» признака предполагает возможность реализации субъективного подхода, который заключается в том, что исследователь сам определяет данный признак при интерпретации языкового материала. Исследованию проблематики семантического поля были посвящены работы таких исследователей, как Й. Трир [Уфимцева А.А., 1988, 137], Ю.Н. Караулов [Караулов Ю.Н. 1981], Ч. Филлмор [Филлмор Ч. 1983], Э. Косериу [Косериу Э. 1969, 93-104], Ф. Лаунсбери [Lounsbury F.G. 1964, 1073-1093], и других.

* © Ильина В.А.

В психолингвистике одним из возможных способов образования семантических полей является ассоциативный эксперимент, основанный на обработке словесных ассоциаций испытуемых, ставший в последнее время наиболее распространённой исследовательской процедурой в лингвистике и психологии, так как лингвистическое знание даёт возможность понимания и описания языкового сознания и его структур. В рамках данного исследования при помощи ассоциативного эксперимента мы опишем семантическое поле номинанта *одиночество* в русском языке и определим в английском языке соответствующие компоненты поля при помощи наиболее авторитетных лексикографических источников. Данная последовательность в описании семантического поля объясняется необходимостью исследования в качестве основополагающей вербализации образов языкового сознания носителей русской культуры. Проведение ассоциативного эксперимента логично следует из особенностей самой природы исследуемого образа, который отличается некоторой размытостью и выражается в словах скорее имплицитно-ассоциативно, чем эксплицитно.

Рассмотрим, как результаты психолингвистического ассоциативного эксперимента могут быть учтены при создании семантического поля. В результате проведения такого эксперимента в режиме «стимул – реакция» устанавливается соответствие между словом-стимулом и его ассоциативным полем, которое репрезентирует «фрагмент образа мира или иного этноса, отражённого в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок» [Уфимцева Н.В. 1996, 140]. Таким способом, как отмечает И.В. Привалова [Привалова И.В. 2005, 321], выявляется специфика вербализованных в языке образов сознания носителей определённой культуры, что объясняется наличием в слове не только объективной, но и субъективной семантики, позволяющей структурировать ассоциативные системы, строить гипотетические модели, выдвигать гипотезы о совокупности определённым образом структурированных концептуальных и перцептивных знаний об объектах реального мира.

В основе отмеченных выше теоретических положений, касающихся эксперимента в психолингвистике, лежит представление об образе языкового сознания, которое было разработано сотрудниками сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания

РАН Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокиным. Согласно точке зрения авторов, в результате ассоциативного эксперимента формируются ассоциативные поля, которые состоят из вербальных реакций носителей определённого языка. Данные реакции позволяют описывать особенности образов сознания представителей определённой культуры, под которыми, согласно мнению Е.Ф. Тарасова, мы понимаем совокупность умственных и чувственных знаний. Первые приобретаются самим субъектом, главным образом, в ходе речевого общения, в то время как чувственные знания являются результатом переработки перцептивных данных, которые в ходе предметной деятельности носитель языкового сознания получает от органов чувств. Таким образом, *ассоциативный тезаурус* можно определить как «модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определённой культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры» (Уфимцева Н.В. 2004 – цит. по: [Привалова И.В. 2005]).

Анализируя в целом методику выделения семантических полей с использованием изобразительных приёмов психолингвистического исследования семантики, выделим, в частности, четыре вида ассоциативного эксперимента. Во-первых, следует сказать о *свободном ассоциативном эксперименте* (САЭ), в ходе которого респонденты предлагают любые реакции на предложенные им стимулы. Во-вторых, *направленный ассоциативный эксперимент* (НАЭ), в рамках которого испытуемым предлагается записать свои ассоциации в определённой грамматической или семантической форме. НАЭ применяется для описания одного из фрагментов сознания, оценки определённого отрезка реальности. В-третьих, *исследование ассоциативных норм* (ИАН), в рамках которого анализируются материалы Ассоциативного тезауруса современного русского языка [Ассоциативный тезаурус современного русского языка 1994 – 1996; Караулов Ю.Н. 1981], что открывает «уникальную возможность познать самих себя в том современном состоянии нашей души или образа мира, который в ней отражается» [Уфимцева Н.В. 1996, 141]. В-четвёртых, назовём *ассоциативные исследования прецедентных феноменов*, включённых в структуры сознания (АИПФ), основанные на утверждении, что существует «базовое ядро стереотипных знаний» [Прохоров Ю.Е. 1996, 14], которое имеется в структуре сознания носителей одной культуры

и отсутствует в структурах сознания носителей других культур. В результате проведения любого из описанных выше психолингвистических ассоциативных экспериментов исследователь имеет возможность составить ассоциативный портрет языковой личности, носителя национально детерминированного языкового сознания [Привалова И.В. 2005, 324].

В рамках нашего исследования с целью описания возможных компонентов семантического поля номинанта *одиночество* в русском языке и *loneliness* в английском языке в качестве основного метода исследования определён набор языковых средств, объективирующих образ языкового сознания носителей определённой культуры, репрезентированный в русской и английской наивной (традиционно обусловленной) и научной картине мира, принимается направленный ассоциативный эксперимент. Предварим анализ результатов ассоциативного эксперимента, проведённого в данном исследовании, обсуждением результатов комплексного (социально-психологического, социологического и политологического) исследования базовых ценностей россиян, проведённых в 2001-2002 гг. в рамках проекта «Томская инициатива», в ходе которого было выделено ассоциативное поле *одиночество* как «антиценность», воспринимаемая особенно негативно женщинами, при дифференциации по бинарному половому признаку; при дифференциации по уровню образования такую же реакцию исследуемый объект вызвал у лиц с незаконченным средним образованием. Однако мы полагаем необходимым отметить, что экстралингвистические факторы (возраст, образование, профессиональный опыт, география испытуемых) являются вариативными и способными детализировать наше представление об исследуемом объекте, но при этом существенно не влияют на внешнюю валидность ассоциативных реакций [Готтсданкер Р. 1982]. В качестве наиболее частотных компонентов ассоциативного поля были названы фрустрационные эмоции (тоска, скука, грусть) [Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. 2003, 35-36], которые являются закономерной реакцией на ситуацию фрустрации или критическую ситуацию в целом, вызванную препятствиями на пути достижения оптимального уровня межличностного общения, способствующего самоидентификации коммуниканта в обществе.

Итак, целью нашего эксперимента является описание границ семантического поля номинанта *одиночество* в русском языке. На следующем

этапе, взяв за основу русское семантическое поле, выявим при помощи наиболее авторитетных лексикографических источников адекватные соответствия компонентам русского семантического поля в английском языке. Это позволит нам в дальнейшем выявить и описать особенности вербализации значения и чувственной ткани образа одиночества в русском и английском языках. При этом мы учитываем тот факт, что значения рассматриваются как знания в виде образов сознания и представлений, ассоциированных со словами, которые в разных языках обладают особенностями, обусловленными культурой, и они не могут быть эквивалентными. «Овнешняемые» квазиэквивалентными словами в двух языках, образы могут быть сопоставлены с целью рефлексии над неосознаваемыми знаниями в образе сознания своей культуры [Тарасов Е.Ф. 1996, 7-23].

В ходе эксперимента респондентам в двух группах (18-25 лет – 70 человек, 30-55 лет – 20 человек) было предложено написать 4-5 слов-реакций на слово-стимул *одиночество*, репрезентированные в определённой грамматической форме, то есть любые абстрактные существительные.

Общее число ассоциативных реакций составило 348, число повторяющихся реакций – 317, также обращает на себя внимание незначительное количество единичных реакций (31) и количество отказов (3). Полученные реакции на стимул *одиночество* позволяют нам выявить наиболее частотные реакции: *покинутость* (17), *ненужность* (16), *невостребованность* (18). Выделенные наиболее частотные реакции образуют ядро ассоциативного поля номинанта *одиночество* и полностью соответствуют семантическому полю, образованному в результате компонентно-дефиниционного анализа определений номинантов исследуемого образа, репрезентированных в научной и наивной (традиционно обусловленной) картине мира русских. Таким образом, сопоставляя результаты, полученные в ходе исследования способов репрезентации образа одиночества в научной и наивной картине мира носителей русской культуры методом компонентно-дефиниционного анализа, результаты эксперимента, проведённого в рамках проекта «Томская инициатива» методом свободного ассоциативного эксперимента, а также результаты описанного выше эксперимента, проведённого методом направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ), мы приходим к выводу, что одиночество, во-первых,

следует рассматривать как аффективно-когнитивный процесс; во-вторых, чувственной тканью этого процесса является эмоциональное переживание, вызванное критической (фрустрирующей) ситуацией, вербализованной именно фрустрационными эмоциями, что верифицируется результатами эксперимента, проведённого в рамках проекта «Томская инициатива».

При помощи билингвальных словарных источников, отражающих наивную картину мира носителей *профанного* сознания, мы выявили соответствующие русским номинантам английские условные эквиваленты: *невостребованность* – *detachment*, *покинутость* – *forsakenness*, *ненужность* – *forlornness*. Английские номинанты, соответствующие русским, мы называем условными эквивалентами, как уже было отмечено выше, образы сознания, вербализованные средствами разных языков (английского и русского), обладают специфическим значением, обусловленным культурой, что не позволяет нам говорить об отношениях эквивалентности в полном объёме. Тем не менее, мы полагаем, что рассмотренные вербальные знаки образа одиночества с эмоциональной составляющей описывают семантическое поле номинанта образа одиночества в русском языке и образа *loneliness* в английском языке.

Таким образом, составной частью анализа методик выделения семантических полей с использованием изобразительных приёмов психолингвистического исследования семантики явился обзор основных видов ассоциативного эксперимента (*свободный ассоциативный эксперимент (САЭ)*, *направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ)*, *исследование ассоциативных норм (ИАН)*, *ассоциативные исследования прецедентных феноменов (АИПФ)*), с целью определения одного (*направленный ассоциативный эксперимент*) в качестве основного метода исследования определённого набора языковых средств, объективирующих образ языкового сознания, что в конечном итоге способствовало описанию состава семантического поля номинанта *одиночество* в русском языке (*потерянность*, *ненужность*, *покинутость*, *невостребован-*

ность), а также определению соответствующих компонентов поля номинанта *loneliness (desolation, detachment, forsakenness, forlornness)* в английском языке. Ассоциативный эксперимент является одним из возможных способов описания семантического поля в психолингвистике, но нельзя не отметить, что для любого способа описания семантического поля остаётся актуальной проблема минимизации роли субъективного фактора в данном процессе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1 – 2 / Ю.Н. Караулов, Ю.П. Сорокин и др. – М.: ИРА РАН, 1994 – 1996.
2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
3. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 464 с.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981.
5. Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. – М., 1969. – С. 93-104.
6. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак. – М.: Гнозис, 2005. – 469 с.
7. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.
8. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т Язык. РАН, 1996. – С. 7-23.
9. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.
10. Уфимцева Н.В. Русские: Опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 91, 139-162.
11. Уфимцева Н.В. Предисловие // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 3-5.
12. Филлмор Ч. Об организации семантической информации // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. – 1983.
13. Lounsbury F.G. The structural analysis of kinship semantics. - In: International congress of linguistics, 9-th: Proceedings.../ Ed. By Lunt H.G. – The Hague, 1964. – P. 1073-1093.